

Илья Козлов

СОВЕРШЕННЫЙ
ПОРЯДОК

18+

Козлов Илья

Совершенный порядок

«Автор»

2026

Илья К.

Совершенный порядок / К. Илья — «Автор», 2026

Тысячи литров крови питают поле, отделяющее Акрали от мира. Жрецы молятся Порядку. Город молчит. Агентство посылает троих — не солдат, не дипломатов, а Кураторов. Их задача: сменить режим, не развязывая войны. Но в Акрали любое доброе дело оборачивается жертвой, а любой шаг вперёд — шагом в пропасть. Мрачная антиутопия о том, что иногда самый страшный враг — это собственная вера и порядок.

© Илья К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Козлов Илья

Совершенный порядок

Глава 1

Сквозь ткань походного шатра дождь звучал так, будто небо пересыпало сухой горох из огромного мешка. Внутри пахло не мазями и ладаном, а кислым потом, карболкой и озоном — запахом не до конца угасшего «Натяжения». Орвин склонился над столом, на котором был распластан Хаундаэр. В пальцах лекаря пинцет из тусклого железа выуживал из рваной раны на плече нечто длинное, тонкое и опалесцирующее. Это была «Слеза Жреца» — паразитический сгусток чужой веры. Она извивалась, не желая покидать теплое мясо.

Хаундаэр лежал, глядя в провисший потолок шатра. Лицо его, с заострившимися скулами и родовой татуировкой Проклятых (узор из черных точек, уходящий от виска к скуле), было спокойно, но в провалах глаз тлела не боль, а глубокое, безысходное раздражение.

— Орвин, — голос Хаундаэра был сух, как треск ломающегося тростника. — Оставь это занятие. Если ты не заметил, эта конкретная зараза сожрала сухожилие и теперь лакомится костной тканью. Просто оттяпай руку по сустав. Ты сэкономишь мне время, а себе — нервные клетки, которыми ты так дорожишь.

Орвин даже не поднял глаз. Пинцет клацнул, Слеза упала в стеклянную банку с мутной жидкостью и тут же затихла, потеряв цвет.

— Оттяпать? — лекарь хмыкнул, и это было похоже на кашель прокуренного филина. — Какой ты щедрый, агент. Ты сначала рапорт о списании имущества напиши. Знаешь, сколько сейчас стоит протез из зачарованной кости на черном рынке? Твоей пенсии за триста лет выслуги не хватит.

Хаундаэр позволил себе тень улыбки. Высокомерную, как у принца крови, которому слуга осмелился возразить, но принц слишком устал, чтобы казнить дерзкого.

— Я не собираюсь писать рапорт, лекарь. Я написал прошение об отставке. На гербовой бумаге. Без орфографических ошибок. Я выхожу из игры.

На этих словах Орвин замер. Он медленно отложил пинцет, взял грязную тряпку, вытер пальцы и впервые за время процедуры посмотрел прямо в глаза Хаундаэру. И улыбнулся.

— Отставка? Ты? Хаундаэр Лалабар, чей индекс ликвидации в Агентстве приравнен к стихийному бедствию. Чей силуэт жрецы рисуют кровью девственниц на стенах храмов для отпугивания злых духов. Ты собрался выращивать кабачки? Или мемуары писать?

Он взял со стола невзрачный серебряный перстень — Грузило Хаундаэра — и небрежно бросил его на живот раненому. Металл глухо звякнул о пряжку ремня.

— Ты даже не доедешь до того тихого места, о котором мечтаешь. Твоя физиология, Лалабар, заточена под конфликт. Без внешней угрозы твой иммунитет сожрет твое же сердце от скуки. И ты это знаешь.

Хаундаэр скосил глаза на перстень. Кровавый камень в нем слабо пульсировал в такт его сердцебиению.

— Я устал, — протянул он тихо, и на секунду маска высокомерия дала трещину. — Я устал быть богом для тех, кто хочет оставаться червями.

Орвин вернулся к работе. В его пальцах блеснул скальпель.

— Поэтому ты нужен им, Хаундаэр. Боги нужны червям, чтобы было кого проклинать за свои несчастья. А теперь лежи смирно. Будет немного больно. Я должен выжечь остатки «Метки». Кричать разрешается. Плакать — нет.

Орвин лгал. Было не «немного больно». Было так, словно в плечо вбили раскаленный гвоздь и теперь проворачивали, не торопясь, любуясь заусенцами. Хаундаэр не закричал. Он издал тот самый короткий, сдавленный выдох, который издает человек, привыкший к предательству собственного тела. На виске у него вздулась и тут же опала жила. Родовая татуировка Проклятых — черный узор, уходящий от виска к скуле, — на секунду стала похожа на шевелящуюся плесень. Кожа отторгала чужеродное колдовство так же яростно, как и ее носитель.

— Вот и все, — Орвин бросил на железный поднос что-то похожее на сгусток свернувшихся чернил. От инструмента еще поднимался легкий дымок. — Будешь жить, пока Агентство не придумает для тебя что-нибудь поинтереснее. Руку я тебе сохранил. Писать прошение об отставке будет удобнее двумя руками.

В этот момент полог шатра дрогнул, и внутрь скользнула Квиласи. Дождь успел намочить ее светлые волосы, и теперь они прилипали к вискам, делая ее похожей на усталого ангела из дешевого храмового витража. В пальцах она машинально перебирала нитку простых деревянных бусин — свое Грузило. Взгляд ее, мягкий и слегка рассеянный, остановился на обожженной ране Хаундаэра, и в нем мелькнуло то особое выражение, какое бывает у матерей, глядящих на разбитую коленку ребенка: смесь жалости, укора и готовности немедленно все исправить.

— Орвин, — произнесла она тихо, но с той непреклонной уверенностью, которая заставляет даже старых лекарей подвигнуться. — Ты опять жжешь, вместо того чтобы лечить. Отойди-ка.

Она опустила на край походной койки, отложила бусины и положила ладонь на плечо Хаундаэра, чуть выше ожога. От ее пальцев пошло мягкое, золотистое свечение — не жар, а ласковое тепло, словно ранним утром солнце коснулось кожи. Хаундаэр скрипнул зубами, но через миг напряжение ушло из его челюстей. Боль отступала, уступая место глухому, терпимому нытью, которое можно было принять за усталость.

— Спасибо, Кви, — выдавил он, не открывая глаз. — А то этот коновал уже прикидывал, сколько будет стоить протез на черном рынке.

— Не за что, — отозвалась Квиласи, не убирая ладони. — Но, если ты еще раз полезешь под прямой удар Гемогноста, я позволю Элдорн таскать тебя за шкуру. Ты же знаешь, она это любит.

— Элдорн вчера грозилась использовать меня вместо тарана, — пробурчал Хаундаэр. — Кстати, где она? Опять кормит ездовых василисков?

— Снаружи. Строит им шалаш, чтобы не мокли. И заодно отчитывает квартирмейстера за то, что тот не выдал ей дополнительную «дырку» для фуража.

Орвин, укладывавший инструменты в саквояж, фыркнул:

— Опять вы со своим жаргоном. «Дырка»! Официально это «Портативный Энтропийный Карман», сокращенно ПЭК. Стоит такая игрушка, как годовой бюджет всего этого лагеря. А вы туда сено пихаете.

— Сено — это святое, — возразила Квиласи, и в голосе ее мелькнула тень улыбки. — У кого-то в «дырке» лежит запасной комплект отмычек и яды, а у меня — сухой корм для животных и запасные носки для всей группы. Приоритеты, доктор.

Хаундаэр невольно усмехнулся. В шатре стало чуть легче дышать. Снаружи, за толстой тканью, жил своей скрытой жизнью большой походный лагерь. Слышался гул голосов, переключки часовых на сторожевых вышках, стук молотка по металлу — где-то в обозе ковали подковы. Ветер доносил обрывки фраз на трех языках и запах дыма от костров. Топазная Пустошь, нейтральная полоса, ничья земля, ночью превращалась в огромный кипящий котел, где бок о бок спали солдаты, агенты, мудрецы-тактики и простые погонщики. Все они ждали сигнала, чтобы двинуться к границе.

— Кви, — вдруг прохрипел Хаундаэр, глядя в провисший потолок шатра. — Ты ведь тоже считаешь, что я дурак?

Целительница убрала руку. Свечение погасло, оставив на коже лишь легкое, приятное покалывание.

— Нет, — ответила она спокойно. — Ты не дурак, Хаундаэр. Ты просто слишком долго считал, что не имеешь права на усталость. А теперь она тебя догнала. И это нормально.

Орвин защелкнул саквояж и поднялся, разминая затекшую спину.

— Нормально, — передразнил он. — Через два дня мы переходим границу материка, а наш главный оперативник мечтает о покое и пенсии. Скажи-ка мне, Амастасия, что вы, Просветленные, видите в будущем? Там нас ждет успех или полный провал?

Квиласи взяла свои бусины и принялась перебирать их снова. Взгляд ее на секунду затуманился, стал далеким, словно она читала строчки невидимой книги.

— Я не заглядываю в будущее по пустякам, Орвин. Но если тебе интересно, то я вижу много крови. Много лжи. И много надежды. Этой крови не обязательно быть нашей.

Полог шатра резко качнулся от сильного порыва ветра, и снаружи донесся низкий, раскатыстый голос, похожий на грохот камнепада:

— Квиласи! Скажи этому упрямому интенданту, что, если он не откроет склад, я разнесу его вместе с его паршивой магией! У меня василиски некормленные!

Квиласи вздохнула, поднялась и направилась к выходу.

— Вот так и живем, — бросила она через плечо. — Хаундаэр, не смей вставать до утра. Иначе я лично наложу на тебя сонные чары. И поверь, они будут не из приятных.

Когда полог опустился, в шатре снова воцарилась тишина. Только дождь барабанил по ткани да где-то далеко, в самом сердце лагеря, мерно бил барабан — отбивал ритм для смены караула. Хаундаэр закрыл глаза. Спать не хотелось. Хотелось, чтобы это чувство — чувство, что его окружают не просто коллеги, а настоящие друзья, — длилось как можно дольше. Впереди лежал материк, полный фанатиков и кровавых ритуалов. Акрали. Гемогности. Красные Отцы. Государство, которое умудрилось насолить всем соседям разом, и теперь те скинулись и наняли Агентство — стороннюю силу, чтобы навести там порядок. Толерантными прогрессорскими методами. Что ж, эти методы Хаундаэр знал слишком хорошо. Обычно они включали в себя много грязи, много крови и еще больше компромиссов с собственной совестью.

— Орвин, — не открывая глаз, спросил он тихо. — Ты веришь, что мы поступаем правильно? Что наше вмешательство — оно действительно нужно этим людям? Что мы не просто наемники, выполняющие контракт?

Лекарь помедлил, поправляя фитиль в масляной лампе. Свет дрогнул, тени метнулись по стенам шатра.

— Я верю, что те, кто нанимает Агентство, платят звонкой монетой, — ответил он наконец. — А насчет правильности... Знаешь, Лалабар, когда я вижу, как жрецы Акрали выкачивают кровь из живого младенца, чтобы предсказать погоду на завтра, я перестаю задавать себе такие вопросы. Спи. Завтра будет долгий день.

Хаундаэр ничего не ответил. Он лежал, слушая шум дождя и далекий бой барабана, и думал о том, что самое страшное в работе куратора — не риск умереть. Самое страшное — это привыкнуть. Привыкнуть к виду детской крови. Привыкнуть к тому, что ты решаешь судьбы народов, даже не спросив их мнения. Привыкнуть и однажды поймать себя на мысли, что покой и тишина страшат тебя больше, чем любая битва.

Глава 2

Утро над Топазной Пустошью вставало медленно и неохотно, словно солнце сомневалось, стоит ли вообще показываться над этим гиблым местом. Туман, густой и липкий, полз между палаток, приглушая звуки. Лагерь просыпался тягуче: где-то перекликались часовые, звенело железо в походной кузнице, и хрипло, надсадно кричал привязной грифон — ему, судя по интонации, опять не доложили мяса.

Хаундаэр шел сквозь эту утреннюю морось, сунув руки в карманы плаща. Плечо, вчера еще горевшее огнем, теперь только тупо ныло — спасибо Квиласи и ее золотым рукам. Рядом шагала Элдорн, и земля под ее сапогами едва заметно вздрагивала. Замыкала процессию Квиласи, на ходу перебиравшая свои деревянные бусины. Вид у нее был отсутствующий — то ли молилась про себя, то ли перебирала в уме список того, что еще нужно уложить в ПЭКи.

Шатер командующей стоял в центре лагеря, и по мере приближения к нему менялся сам воздух. Здесь не пахло навозом и походной кухней. Здесь стоял запах бумаги, сургуча и той особенной, тревожной тишины, которая всегда сопутствует местам, где принимают решения о чужих жизнях.

У входа, скрестив алебарды, стояли двое. На плече каждого сидело по шипокрылу — мелкие, с ворону размером, покрытые роговыми пластинами твари, которые провожали каждого проходящего немигающим взглядом четырех зрачков. Один из шипокрылов при виде Хаундаэра издал короткий скрежещущий звук, но тут же умолк — признал.

Внутри шатер был вдвое просторнее, чем тот, где лечили Хаундаэра. Посередине стоял длинный раскладной стол, заваленный картами, свитками и глиняными табличками с клинописью — такие использовали для секретных донесений, потому что глину легко раскрошить в пыль. Над столом нависала Олисара. Высокая, сухая, с седеющими волосами, стянутыми в тугий узел. На виске у нее, чуть ниже линии волос, тускло поблескивал вживленный камень — знак высшего ранга Просветленных. Камень был мутным, почти погасшим: Олисара не пользовалась Натяжением уже много лет. Говорили, что после одной из миссий она не могла смотреть на собственные руки без содрогания и с тех пор полагалась только на ум и опыт.

— Входите, — произнесла она, не поднимая головы. — Садитесь. Разговор будет долгим.

Элдорн опустилась прямо на пол, скрестив ноги. Квиласи присела на походный табурет. Хаундаэр остался стоять, скрестив предплечья на груди.

Олисара выпрямилась и обвела их взглядом. Взгляд был тяжелый, оценивающий — так смотрят на инструмент, от которого зависит исход сложной операции.

— Ваша группа утверждена как авангард Кураторов в материковой зоне Акрали, — начала она без предисловий. — Официальная легенда: вы — торговцы из Лиги Свободных Портов. Документы уже готовы. Хаундаэр — старший каравана, специалист по редким тканям. Квиласи — его помощница и переводчица. Элдорн — охранник и оценщик драгоценных камней.

Элдорн хмыкнула, поглаживая свой браслет-ПЭК.

Олисара развернула на столе карту. Хаундаэр подался вперед. Очертания Акрали напоминали рваную рану — островное государство, отделенное от материка узким, но бурным проливом.

— Акрали, — продолжила Олисара, обводя контур острова сухим пальцем. — Столица — Но-Паар. Государство закрытого типа. Граница охраняется силовым полем, которое генерируют храмы Гемогностов. Пройти сквозь поле можно только через официальные порталы. Портал на побережье один, и он находится под круглосуточным наблюдением.

— Значит, контрабанда исключена, — подытожил Хаундаэр.

— Именно. Поэтому вы идете легально. Торговое судно «Олуин» отплывает из порта Топазной Пустоши через трое суток. На борт вы подниметесь как обычные купцы. Ваши ПЭЖИ запрограммированы на безобидное содержимое — ткани, специи, несколько бочек вина. Это для досмотра. Все остальное получите на месте от нашего резидента в Но-Пааре.

— А резидент нас ждет? — спросила Квиласи.

Олисара помедлила.

— Ждет. Но связь с ним односторонняя. Он выходит на вас сам. Ваша задача — прибыть в Но-Паар, обосноваться там и начать сбор информации.

Она обошла стол и остановилась перед Хаундаэром. Разница в росте была не в его пользу — Олисара оказалась с ним почти вровень.

— Теперь о цели миссии, — произнесла она тише. — Государство Акрали на протяжении последних десяти лет ведет агрессивную экспансию. Их жрецы — Гемогносты, они же Сангвинаты, они же Красные Отцы — разработали технологию извлечения магической энергии из крови. Это не слухи и не пропаганда, Лалабар. Это задокументированный факт. Кровопускание для них — не ритуал в нашем понимании. Это промышленный процесс.

— Значит, они используют собственное население как топливо? — уточнила Квиласи.

— Они используют низшие касты, — ответила Олисара. — В Акрали жесткая иерархия. На вершине — жрецы и аристократия. Ниже — торговцы, ремесленники, военные. Еще ниже — крестьяне и чернорабочие. И в самом низу — каста «отверженных», которую они официально именуют «добровольными дарителями». Именно их кровь питает силовое поле и магическую инфраструктуру страны.

В шатре повисло молчание. Даже Элдорн перестала поглаживать браслет.

— Соседние государства, — продолжила Олисара, — пытались решить проблему дипломатически. Безрезультатно. Тогда был создан консорциум. Лига Свободных Портов, Горная Федерация, Островной Союз — все скинулись и наняли Агентство. Мы — сторонняя сила. Мы не представляем интересы ни одной из этих стран. Мы представляем только здравый смысл и условия контракта.

— И условия контракта гласят?.. — спросил Хаундаэр.

— Смена режима, — сухо ответила Олисара. — Толерантными методами. Вы должны найти способ демонтировать власть Гемогностов, не развязывая полномасштабной войны и не уничтожая государственность Акрали как таковую. Идеальный сценарий: внутренний переворот, возглавленный местными умеренными силами.

— А если умеренных сил там нет? — спросил Хаундаэр.

Олисара посмотрела на него долгим взглядом.

— Тогда ваша задача — сделать так, чтобы они появились. Вы — Кураторы. Вы работаете с реальностью, а не с мечтами. Найдите слабое звено. Завербуйте. Обучите. Поддержите. Если потребуется — уберите тех, кто мешает.

— Толерантными методами, — не удержался Хаундаэр.

— Толерантность, — отчеканила Олисара, — не означает бездействия. Она означает соразмерность усилий. Вы не армия. Вы — скальпель. Работайте точно.

Она вернулась к столу и взяла три сложенных листка плотной бумаги.

— Ваши легенды. Выучите наизусть и сожгите. В Но-Пааре вас ждет наш человек. Его кодовое имя — Сойка. Больше я о нем ничего не знаю, и вам знать не положено. Сойка сам вас найдет. Пароль для контакта: «Кажется, в этом году поздняя весна». Отзыв: «Ничего, зато ранняя осень».

— Поэтично, — заметила Квиласи.

— Сойка — местный. У них там все поэтично. Даже пытки у Гемогностов проходят под пение гимнов.

Олисара выпрямилась и обвела всех троих взглядом, который не предвещал ничего хорошего.

— Теперь о том, о чем я не должна вам говорить, но я скажу. Отчеты нашего аналитического отдела расходятся. Одни утверждают, что режим Гемогностов трещит по швам — экономика в упадке, низшие касты бунтуют. Другие — что все это искусно срежиссированная ловушка для внешних сил. Акрали вполне могли намеренно спровоцировать соседей, чтобы заманить к себе Кураторов Агентства. Вы можете оказаться не охотниками, а дичью.

— Поэтому нас трое, — спокойно произнесла Элдорн. — Охотиться на нас — дело хлопотное.

— Поэтому вас трое, — согласилась Олисара. — Группа сбалансирована так, чтобы выжить в любой ситуации. Проклятый, Просветленная и Каменная. Некромантия, целительство и грубая сила. Если вы будете действовать слаженно, справитесь с чем угодно.

Она замолчала, давая им время переварить услышанное. За пологом шатра прокричал шипокрыл — значит, кто-то прошел мимо.

— Вопросы? — спросила Олисара.

Хаундаэр переглянулся с Квиласи и Элдорн. Вопросов было много, но все они касались деталей, которые станут ясны только на месте.

— Вопросов нет, — утвердил он. — Трое суток на подготовку. Потом — корабль.

— Верно. — Олисара кивнула. — И еще одно, Лалабар. Я знаю, что ты подал прошение об отставке.

Хаундаэр замер.

— В Агентстве нет секретов от командующих, — продолжила она. — Твое прошение лежит у меня на столе. Я его не подписала. И не подпишу, пока эта миссия не будет завершена. Не потому, что я хочу тебя наказать. А потому, что для этой работы нужен человек, которому уже нечего доказывать. Ты идешь туда не за славой и не за чином. Ты идешь, потому что другому не умеешь. Это и делает тебя ценным.

Хаундаэр молчал. Квиласи, сидевшая за его спиной, удивилась, но все равно чуть заметно коснулась его локтя — легкий, почти невесомый жест поддержки.

— И еще одно, — добавила Олисара, переводя взгляд на Квиласи и Элдорн. — Я не сомневаюсь в вашей компетентности. Но я хочу, чтобы вы понимали: Акрали — это страна, где реальность и вера переплетены так тесно, что разделить их почти невозможно. Вы столкнетесь не просто с врагами. Вы столкнетесь с системой, которая оправдывает чудовищные вещи именем божественного порядка. И вам придется решать, где заканчивается ваше право вмешиваться и начинается их право на самоопределение. Я не знаю ответа на этот вопрос. И никто не знает. Думайте сами. Для этого вы и Кураторы.

Она отошла к выходу и откинула полог, впуская в шатер сырой утренний воздух.

— Свободны. Квиласи, задержись ненадолго.

Когда Хаундаэр и Элдорн вышли, туман уже начал рассеиваться. Над лагерем занимался бледный, размытый рассвет. Гатаканати потянулась, и в ее суставах что-то гулко хрустнуло.

— Значит, мы теперь торговцы тканями, — прогудела она. — Никогда не торговала тканями.

— Ты и не будешь, — отозвался Хаундаэр. — Ты будешь молча стоять за моей спиной и выглядеть так, чтобы ни у кого не возникло желания проверить наш груз дважды.

— Это я умею.

Они двинулись сквозь лагерь. Мимо проплывали палатки, загоны для василисков, кузница, где уже стучали молоты. Грифоны на привязи провожали их круглыми глазами. Хаундаэр молчал, прокручивая в голове слова Олисары.

— Хаундаэр, — вдруг произнесла Элдорн, не поворачивая головы. — Ты веришь, что у нас получится?

Он помедлил.

— У нас всегда получалось, Эл. Почему сейчас должно быть иначе?

— Потому что раньше нас не отправляли менять режим целой страны втроем.

— Значит, это новый уровень доверия.

Элдорн хмыкнула. Что-то среднее между смехом и ворчанием.

— Или новый уровень цинизма. Ладно. Пойду проверю, как там наши василиски. Если их не кормить, они начинают смотреть на людей с гастрономическим интересом.

Она свернула в сторону загонов, а Хаундаэр остался стоять посреди лагеря, глядя, как туман окончательно тает над Топазной Пустошью. Впереди был остров. Закрытая страна. Силовое поле. Жрецы, превратившие кровь в валюту. И трое Кураторов, которым предстояло все это изменить.

Он коснулся пальцем перстня-ПЭКа. Холодный металл.

— Ткани и специи, — пробормотал он себе под нос. — Смешно.

И зашагал к своей палатке. До отплытия оставалось трое суток. Нужно было выучить легенду. И разобраться с тем, что Олисара деликатно назвала «отсутствием вопросов». Вопросы у него были. Просто задавать их пока было некому.

Глава 3

Берег Дракона встретил их запахом. Так пахнут только большие порты: соль, гниющая рыба, смола, которой конопатят борта, и едкий дым кузниц, кующих якоря. К этому букету пришивался еще один запах — сладковатый и тяжелый, — так пахли туши морских змеев, которых рыбаки свеживали прямо на пирсе. Говорили, что змеиное мясо — деликатес в Акрали, и местные купцы везли его туда целыми бочками, заливая рассолом с пряностями.

Город был тесным, шумным, пропитанным солью и рыбой. Три тысячи человек, как говорил местный трактирщик, — и все они, казалось, одновременно орала, торговались и тащили куда-то тяжёлые тюки. Для Хаундаэра, привыкшего к военным лагерям, это было слишком многолюдно. Кривые улочки, мощенные битым ракушечником, вели от постоянных дворов к складам, от складов — к тавернам, от таверн — снова к пирсам. В воздухе висела мелкая солевая пыль, оседающая на одежде и волосах. Кричали чайки, похожие на ободранные клочья тумана. Где-то бил барабан — портовые грузчики держали ритм, когда вкатывали на корабль бочки с вином.

Хаундаэр стоял у окна постоянного двора «Сломанный Якорь» и смотрел, как внизу, в узком переулке, два погонщика пытаются развести в разные стороны упирающихся вьючных ящериц. Ящерицы шипели, раздувая горловые мешки, и не двигались с места.

— У тебя такой взгляд, будто ты считаешь, сколько из них доживет до вечера, — раздался голос Квиласи за его спиной.

— Доживут, — ответил он. — Эти твари живучее, чем мы втроем вместе взятые.

Квиласи подошла и встала рядом. Она держала в руках глиняную кружку с горячим отваром — местной травы, от которой шел запах, напоминающий мяту и что-то горькое. За те трое суток, что они провели в дороге от лагеря до Берега Дракона, она почти не разговаривала. Хаундаэр знал, что она просто бережет силы. Просветленные вообще не любят тратить энергию на слова — каждое лишнее слово для них как разменная монета, которую лучше придержать на черный день.

— Элдорн уже на пристани? — спросил он.

— Да. Проверяет груз. Она говорит, что, если хоть одна бочка с вином окажется прокисшей, она лично спустит в трюм того, кто ее грузил.

— И спустит. Она человек слова.

Квиласи сделала глоток и чуть поморщилась — то ли от горечи, то ли от мысли, которая пришла в голову.

— Хаундаэр, — начала она, — я проверила наши ПЭКи. Трижды. Все чисто. Ткани, специи, вино. Никаких следов Натяжения.

— Ты ожидала другого?

— Я ничего не ожидаю. Я просто хочу убедиться, что на таможне нас не вскроют.

Хаундаэр промолчал. Он знал: таможня в Акрали — не просто осмотр груза. Это проверка силовым полем, а поле Гемогностов питается кровью и завязано на магию. Если кто-то из них проколется, если ПЭКи дадут эхо, — план рухнет, не начавшись. Он повернулся к Квиласи и взял кружку из ее рук. Сделал глоток. Отвар был действительно горьким.

— Слушай, — сказал он, — Олисара вчера говорила, что не знает, жива ли наша Сойка. Что контакт может быть утерян. И что тогда мы предоставлены сами себе.

— Я слышала.

— И тебя это не тревожит?

Квиласи посмотрела на него долгим взглядом. Потом взяла кружку обратно.

— Меня тревожит другое, — ответила она. — Меня тревожит, что ты до сих пор не рассказал нам, почему хочешь уйти. Не формально — «устал, надоело». А по-настоящему.

Хаундаэр снова отвернулся к окну. Ящериц наконец-то развели — они нехотя побрели в разные стороны, цокая когтями по ракушечнику.

— Может, я скажу тебе это, когда мы вернемся, — произнес он.

— Если вернемся.

— Ты же не веришь в «если». Ты Просветленная.

— Я Просветленная, которая слишком хорошо понимает туманность будущего.

Она поставила кружку на подоконник и направилась к двери.

— Собирайся. Через час грузимся. Если опоздаешь, Элдорн и тебя спустит в трюм.

Когда дверь за ней закрылась, Хаундаэр еще постоял у окна, глядя на серое небо и чаек, которые кружили над рыбным рынком. Потом взял плащ и вышел.

Пристань Берега Дракона тянулась на пол-лиги. Здесь теснились суда всех мастей: рыбацкие баркасы, купеческие галеры, военные нефы под флагами Лиги Свободных Портов и пара пузатых океанских шхун, которые ходили в далекие воды, куда даже Агентство не засылало своих Кураторов.

«Олуин» стоял у дальнего пирса. Это было крепкое двухмачтовое судно с обшивкой из темного дерева и носовой фигурой, изображавшей то ли дельфина, то ли дракона — резчик явно был пьян в процессе работы. На палубе уже сутились матросы, а на пирсе, широко расставив ноги, стояла Элдорн и наблюдала за погрузкой с таким видом, с каким полководец наблюдает за расстановкой войск перед битвой.

— Опаздываешь, — бросила она, когда Хаундаэр подошел. — Я уже решила, что ты передумал и уехал в отставку прямо сейчас.

— И бросить вас одних? — он покачал головой. — Кто тогда будет таскать ваши сундуки?

— Ты не любишь таскать сундуки.

— Поэтому я и стою здесь, а не там.

Элдорн хмыкнула и кивнула на корабль:

— Груз на борту. Капитан — старый морской волк по имени Даррас. Говорит, что ходит этим маршрутом двадцать лет и знает пролив как свои пять пальцев. Еще он говорит, что силовое поле Акрали в последние месяцы стало плотнее.

— Плотнее?

— Да. Раньше оно пропускало торговцев без проблем. Теперь — задержки, досмотры, иногда аресты. Даррас сказал, что его третьего помощника в прошлый рейс задержали на шесть часов. Допрашивали. Парень до сих пор заикается.

Хаундаэр посмотрел в сторону горизонта, где море сливалось с серым небом. Где-то там, за этой серой пеленой, лежал остров Акрали. И силовое поле, которое питалось человеческой кровью.

— Значит, идем как по лезвию, — произнес он.

— Как всегда, — отозвалась Элдорн. — Пойдем, капитан хочет предупредить нас о чем-то еще.

Капитан Даррас оказался сухим, как вобла, стариком с выдубленной ветром физиономией и отсутствующим левым ухом. Он стоял на капитанском мостике, вцепившись в штурвал, хотя корабль еще и не думал отчаливать.

— Пассажиры, — произнес он вместо приветствия. — Трое. Торговцы. Агентство. Я вожу Кураторов пятнадцать лет. Значит так: на борту я — бог. Вы делаете, что я говорю. Особенно ты, — он ткнул пальцем в Элдорн. — Я знаю твой тип. Сундуки не таскать, с матросами не драться. Уговор?

Элдорн усмехнулась. — Уговор. — Тогда отчаливаем через час.

Он отвернулся к штурвалу, давая понять, что разговор окончен.

Хаундаэр спустился на палубу. Квиласи уже была там — сидела на бухте каната, перебирая бусины, и смотрела на закат, который начинал разгораться над Берегом Дракона.

— Он знает, кто мы, — констатировал Хаундаэр, подсаживаясь рядом.

— Я знаю, — ответила она. — Я прочитала это в его взгляде, как только мы поднялись на борт.

— И молчала?

— А зачем говорить? То, что знает капитан контрабандистов, не имеет значения. Важно то, что знают таможенники Акрали.

Она повернулась к нему, и в ее глазах отразилось закатное солнце.

— Хаундаэр, — сказала она тихо. — Когда мы сойдем на берег, обратного пути не будет. Ты понимаешь это?

— Понимаю.

— И ты все еще хочешь идти?

Он посмотрел на море, на чайк, на дым над портовыми трубами, на Элдорн, которая внизу, на пирсе, давала последние указания грузчикам с таким напором, что те едва не падали в воду.

— Хочу, — ответил он.

И это была правда. Несмотря на усталость. Несмотря на прошение об отставке, которое осталось лежать на столе Олисары. Несмотря на все.

Он хотел идти.

— Тогда идем, — улыбнулась Квиласи и сжала его ладонь.

Через час «Олуин» поднял паруса и медленно, тяжело двинулся прочь от Берега Дракона. Порт уменьшался в размерах, превращаясь в полоску огня на фоне темнеющего неба. Впереди лежал пролив. А за ним — Акрали.

Хаундаэр стоял на носу и смотрел вперед. Ветер трепал его волосы, а холодные брызги оседали на щеках.

Где-то в недрах его перстня-ПЭКа ждали своего часа ткани и специи. Где-то впереди ждала страна, которая превратила кровь в индустрию.

А где-то глубоко внутри него самого ждало то, о чем он не поведал ни Квиласи, ни Элдорн, ни даже Олисаре.

То, ради чего он на самом деле шел в Акрали.

Но об этом — позже. Сейчас был только ветер, море и скрип корабельных снастей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.